

DOI: [10.14515/monitoring.2025.4.2916](https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2916)

Т. Д. Егорова

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МИГРАНТАХ
СКВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕОРИИ КОГНИТИВНОГО ДИССОНАНСА:
РЕЗУЛЬТАТЫ КВАЗИЭКСПЕРИМЕНТА**

Правильная ссылка на статью:

Егорова Т.Д. Представления о мигрантах сквозь призму теории когнитивного диссонанса: результаты квазиэксперимента // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2025. № 4. С. 288—314. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2916>.

For citation:

Egorova T. D. (2025) Perceptions of Migrants Through the Lens of Cognitive Dissonance Theory: Results of a Quasi-Experiment. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 288–314. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2025.4.2916>. (In Russ.)

Получено: 17.02.2025. Принято к публикации: 03.07.2025.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МИГРАНТАХ СВОЗЬ ПРИЗМУ ТЕОРИИ КОГНИТИВНОГО ДИССОНАНСА: РЕЗУЛЬТАТЫ КВАЗИЭКСПЕРИМЕНТА

ЕГОРОВА Татьяна Дмитриевна — стажер-исследователь, Центр региональных исследований и урбанистики, Институт прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; аспирант, кафедра анализа социальных институтов, Аспирантская школа по социологическим наукам, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия

E-MAIL: egorovatatianad@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-0192-7062>

Аннотация. В статье предпринята попытка реконструкции разнообразия тактик, использующихся людьми для снижения эмоционального напряжения в ситуациях, где возможно возникновение когнитивного диссонанса, в ходе обсуждения вопросов, связанных с мигрантами и миграцией. Исследование базируется на данных глубинных тематических интервью ($N = 21$) на тему отношения к мигрантам, собранных в Москве, Челябинске и Казани. В ходе интервью проводился квазиэксперимент, для которого интервьюер создавал ситуацию когнитивного диссонанса, чтобы проследить за способами выхода из нее.

В результате анализа собранных данных выделено три основных способа преодоления когнитивного диссонанса, использовавшихся в ходе интервью. В случае первого — поиска дополнительной консонирующей информации — люди предполагают существование неупомянутых в разговоре условий, которые объясняли бы диссонирующую кейс без кардинального пересмотра

PERCEPTIONS OF MIGRANTS THROUGH THE LENS OF COGNITIVE DISSONANCE THEORY: RESULTS OF A QUASI-EXPERIMENT

Tatiana D. EGOROVA^{1,2} — Research Assistant, Center for Regional Research and Urban Studies, Institute of Applied Economic Research; Post-graduate Student, Doctoral School of Sociology

E-MAIL: egorovatatianad@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-0192-7062>

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

² HSE University, Moscow, Russia

Abstract. The article attempts to reconstruct the diversity of tactics used by people to reduce emotional tension in situations where cognitive dissonance may arise during discussions of issues related to migrants and migration. The research is based on the qualitative data collected via a series of in-depth interviews ($N = 21$) in Moscow, Chelyabinsk, and Kazan. The interviews included a quasi-experimental section in which the interviewer attempted to induce cognitive dissonance in informants, who then attempted to reduce it in various ways.

The analysis of the data has shown that there are three main ways that the informants were drawn to. In the case of the first one — the search for additional consonant information — people tend to seek additional, never-mentioned conditions that would make the dissonant case possible without any radical changes to their expressed point of view. In the second case, trivialization of either their own opinion (through the emphasis on the lack of expertise) or the dissonant case (through the em-

их картины мира. Во втором случае снижается важность собственного мнения (указывается на отсутствие экспертизы в теме) или диссонирующего кейса в общей картине мира (указывается на его нестандартность). Прибегая к третьему способу, люди стремятся избежать обсуждения диссонирующей информации или отвлечься от нее, переводя тему. В целом способы преодоления спонтанно возникающего когнитивного диссонанса достаточно непоследовательны и ситуативны, что может быть обусловлено общей неконсистентностью и ситуативностью высказываемых в ходе интервью комплексов представлений.

Результаты исследования интерпретируются как элементы когнитивных и культурных схем, существующих у людей в отношении мигрантов, и свидетельствуют о малой отрефлексированности и интернализированности темы информантами, их слабой степени личной вовлеченности в вопросы, связанные с миграцией, мигрантами и их присутствием в обществе, дискурсивной природой мнений о мигрантах.

Ключевые слова: когнитивный поворот, когнитивная социология, коллективные представления, отношение к мигрантам, снижение когнитивного диссонанса, когнитивные схемы

Благодарность. Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС. Исследование выполнено без финансовой поддержки со стороны НИУ ВШЭ. Автор выражает благодарность Е.А. Варшаверу и Н.С. Ивановой за помощь в подготовке полевой работы и анализе материалов.

phasis on its exclusivity) happens. Lastly, some people tended to avoid or distract themselves from the dissonant information altogether by changing the topic. In general, however, the ways that people tend to reduce cognitive dissonance are rather inconsistent and situational, which may be explained by the inconsistency and situational nature of the views that are expressed in conversation.

The results are interpreted as elements of cognitive and cultural schemas that people might have in relation to migration, and are indicative of the topic not being deeply reflected upon or internalized by the informants. The results also indicate that, to the extent that the issues of migration, migrants and their presence in Russia are not personal, the opinions on the subject remain quite discursive in nature.

Keywords: cognitive turn, cognitive sociology, collective representations, attitudes to migrants, cognitive dissonance reduction, cognitive schema

Acknowledgments. The article was written on the basis of the RANEPA state assignment research programme. No funding for the research is provided by the HSE University. The author is grateful to Evgeni A. Varshaver and Nataliya S. Ivanova for their help in preparation of the field research stage, as well as the analysis of the data.

Введение

В рамках когнитивного поворота в социальных науках стал возможным взгляд на социологические проблемы с нового ракурса, который предоставляют психологические науки. Активно разрабатываются разнообразные теоретические и методологические направления, находящиеся на стыке социологии и психологии, в особенности в контексте исследований аспектов социального действия. Все больше внимания уделяется коллективным представлениям в различных интерпретациях [Moscovici, 2000; Albarracin, Shavitt, 2018] как когнитивному фактору, находящемуся во взаимодействии с социальными явлениями.

Среди прочего в фокус исследований попадают представления, связанные с этничностью и миграцией [Brubaker, 2004; Van Dijk, 2018], в том числе отношение местного населения к мигрантам [Kleemans, Klugman, 2009; Демидова, 2021; Мукомель, 2021]. Однако каковы механизмы формирования и трансформации таких комплексов представлений? Несмотря на обилие работ, фокусирующихся именно на разнообразии коллективных представлений, последние редко исследуются «вне вакуума», то есть в контексте иных явлений (и во взаимодействии друг с другом), как постоянно изменяющаяся сущность. Немногие исследователи обращают внимание на случаи, в которых представления ставятся под сомнение или же «сталкиваются» с иными точками зрения — как в восприятии одного человека, так и в ходе коммуникации. Особенно важна здесь рамка когнитивных схем [DiMaggio, 1997, Swidler, 1986] — феномена, исследования которого на стыке социологии и когнитивистики зачастую смежны с исследованиями комплексов коллективных представлений. Как комплексы, так и схемы используются для описания наборов знаний о мире, которые так или иначе регулируют социальные (взаимо)действия. Различие состоит в том, что когнитивные схемы акцентируют внимание на сетях представлений, то есть взаимосвязях между ними, благодаря которым выстраиваются ассоциативные траектории и алгоритмы («стратегии» в теории культурных схем Э. Свидлер [Swidler, 1986]) действий в разнообразии повседневных ситуаций.

В данной работе представления рассматриваются как «точки пересечения» в когнитивных схемах, ассоциативно связанные друг с другом и задающие «стратегии» действия. В этой интерпретации «столкновения» представлений, или «ломы» схем, способствуют изменению привычных «стратегий» и складыванию новых связей, а соответственно, и поведения людей. В связи с тем, что представления в теории схем — широкое и всеобъемлющее понятие (элементами схемы являются любые знания человека о том, как обычно «работает» мир вокруг него, и знания эти всегда более обширны, чем те, что оказываются задействованы в повседневных стратегиях), такие изменения происходят повсеместно и постоянно, поэтому их понимание — важный вопрос в социологии после когнитивного поворота, открывающий новые перспективы исследования механизмов социального взаимодействия.

В психологии и когнитивистике, однако, ситуация столкновений двух контрастирующих элементов знания активно разрабатывается с теоретической точки зрения и исследуется на эмпирическом материале в рамках теории когнитивного диссонанса. Работы, использующие теорию когнитивного диссонанса, достаточ-

но обширны: в психологической [Stephens, 2017; Foster, Misra, 2013], экономической [Akerlof, Dickens, 1982; Sweeney, Hausknecht, Soutar, 2000] и политологической [Acharya, Blackwell, Sen, 2018; McGregor, 2013] литературе к ней прибегают в контексте разнообразных проблем, в том числе находящихся вне поля психологии (например, покупательского выбора). Однако в социологических исследованиях диссонанс редко используется как инструмент интерпретации и столь же редко выступает объектом изучения. В работах по социологии этничности (и миграции в том числе) когнитивный диссонанс почти не фигурирует¹, а там, где это все же случается, в фокусе чаще всего оказываются:

- 1) мигранты, в то время как местному населению уделяется значительно меньше внимания [Borile, 2015; Xue, Sun, 2024];
- 2) условия и факторы появления диссонанса, а не его снижения [Careja, 2016; Zajacova, 2021];
- 3) иные феномены, а диссонанс фигурирует контекстуально, «на полях» [Link, Phelan, 2001; Nefes, Milošević Đorđević, Vdović, 2024].

Меж тем теория когнитивного диссонанса, интерпретируемая через призму когнитивной социологии, может быть полезна для понимания того, каким образом могут выстраиваться стереотипы и каким образом они могут ставиться под сомнение и разрушаться. Это важная проблема для исследования как механизмов интеграции мигрантов, так и динамики этнических категорий. В российской научной литературе социологический аспект теории диссонанса не является популярным направлением исследований. При подготовке исследования было обнаружено лишь несколько русскоязычных статей, использующих теорию когнитивного диссонанса в контексте социологической проблематики, однако во всех них когнитивный диссонанс составляет часть аналитического инструментария, а разработанная когнитивистами теоретическая рамка просто «встраивается» в социологический дизайн. Важно также, что в случаях, когда к теории когнитивного диссонанса прибегают в социологии, ее интерпретации во многом отстают от современных трендов в психологических исследованиях феномена: используется лишь классическая модель диссонанса и не берутся во внимание существующие в когнитивистике оспаривающие ее подходы, в том числе более новые интерпретации природы диссонанса и его роли в поведении индивидов (подробнее об этом см. раздел «Теоретическая база исследования»).

В том, что касается методологии, в социологических исследованиях диссонанса также есть значительные лакуны. Многие авторы применяют классические социологические дизайны, например массовые опросы и панели [Bølstad, Dinas, Riera, 2013; Губина, 2013]. Взятые в совокупности с иными свидетельствами разнообразия мнений (так, исследование Н. В. Губиной сравнивает данные опросов и отчеты властей; Й. Бёльстада и коллег — результаты панелей до и после выборов), они свидетельствуют о существовании диссонанса, но не дают возможности детализировать взгляд на проблему. В психологии же для исследований диссонанса чаще применяются экспериментальные методы, позволяющие с большей точностью и предсказуемостью провоцировать и впоследствии контролировать

¹ Среди немногочисленных примеров см. [Lieberman, 2006].

ситуацию диссонанса. В ходе разработки дизайна исследования, легшего в основу данной статьи, была предпринята попытка проведения квазиэксперимента, со-вмещающего социологические качественные методы (глубинное полуструктурное интервью) с когнитивистским экспериментальным блоком, в котором интервьюер моделировал разнообразие потенциальных ситуаций диссонанса с целью исследования последующих алгоритмов, использующихся информантами для снижения эмоционального напряжения.

В работе предпринята попытка не только заполнить лакуны в социологических исследованиях, использующих теории социального действия и когнитивного диссонанса, а также концепцию когнитивных схем, но прежде всего — «подойти» к изучению коллективных представлений с относительно нового ракурса, открывая перспективы для дальнейшей научной работы на стыке социологии и когнитивистики.

Теоретическая база исследования

Теория когнитивного диссонанса (КД) является базой для широкого поля разнообразных — преимущественно психологических или экономических — исследований. Основоположник теории Л. Фестингер в книге «Теория когнитивного диссонанса» [Festinger, 1957] и последующих работах [Festinger, Carlsmith, 1959; Festinger, 1962] ввел в научный оборот понятие «когнитивный диссонанс» и сформулировал не только основные идеи, лежащие в основе теории, но и подходы к изучению феноменов, связанных с ним. Л. Фестингер определил когнитивный диссонанс как состояние, в котором воспринимаемые несоответствия между «когнициями» (единицами знания любой разновидности — мнениями, убеждениями или представлениями о себе, окружающем мире или должном порядке вещей) вызывают у человека эмоциональную напряженность или раздражение, а консонанс — как состояние, в котором когниции оказываются в определенной мере консистентными, в связи с чем напряжения не возникает. Чем важнее для человека диссонирующие когниции, тем сильнее возникающий диссонанс. Л. Фестингер постулирует, что, будучи помещенным в состояние диссонанса, человек стремится к его снижению и последующему достижению состояния консонанса (консистентности когниций). Он выделяет три причины появления КД: ситуация выбора; поведение, которое в иных условиях избегалось бы субъектом (этому состоянию «вынужденного послушания» посвящено исследование 1959 г. [Festinger, Carlsmith, 1959]); получение новой информации. Л. Фестингер уделяет значительное внимание тому, какие способы снижения КД используются людьми, выделяя три частотных способа выхода из состояния диссонанса: снижение важности диссонирующих когниций (тривизиализация), поиск новых, консонирующих (то есть соответствующих общей картине мира человека) когниций, изменение мнения (до-статочно поверхностного, высказываемого в ходе взаимодействий, или более существенного — в ходе дальнейшей рефлексии) — и снижение тем самым числа диссонирующих когниций.

Книга Л. Фестингера положила начало активному развитию теории диссонанса. В ходе последующих десятилетий первоначальная интерпретация Л. Фестингера, фокусирующаяся преимущественно на неконсистентных действиях людей как причине возникновения КД, была обозначена как «модель действия» (action-based

model). Вскоре после выхода ее в свет в рамках теории обозначились и другие модели. Так, модель самосоответствия (self-consistency model) [Aronson, 1968] основывается на идее, что возникновение диссонанса диктуется преимущественно представлениями о себе, в то время как модель самоутверждения (self-affirmation model) [Steele, 1988] — стремлением человека подтвердить собственную правоту в ситуации КД. В 1990-х годах была предложена модель «нового взгляда» (new look model) [Cooper, Fazio, 1984], постулирующая, что источником КД выступают представления человека о нормах поведения и морали. К началу 2000-х годов Дж. Стоун и Дж. Купер предложили модель, объединяющую в себе концептуальные основания вышеперечисленных моделей, — модель стандарта о себе (self-standard). Она рассматривает появление диссонанса с двух позиций: личного стандарта и нормативного стандарта, — несоответствие действий и/или взглядов человека одному из этих стандартов диктует дальнейшие действия [Stone, Cooper, 2001]. Именно модель стандарта о себе в существенной степени перекликается с современными концепциями когнитивной социологии, в частности теориями социального действия и когнитивных схем, в связи с чем КД в данном исследовании интерпретируется как ситуация несоответствия между представлениями людей о себе и мире, образующими их когнитивные схемы. В результате такие несоответствия охватывают более широкое, чем в классической теории Л. Фестингера, разнообразие кейсов и степеней КД. Ситуация диссонанса в таком случае — это ситуация «слома схемы», нарушения идей человека о том, как что-либо (люди, объекты, явления) «работает обычно», и выход из диссонанса в первую очередь знаменуется «переналадкой» схемы, то есть выстраиванием новых ассоциативных связей, или же «вынесением» нового знания в иную связку и построением для него отдельной стратегии.

Несмотря на разногласия о природе диссонанса и вариативности в том, как она исследуется и для чего используются различные ее трактовки, одно из важнейших заявленных Л. Фестингером направлений — снижение когнитивного диссонанса — и по сей день остается вне фокуса большинства работ по теме или же интерпретируется в рамках теории действия. Э. МакГратт [McGrath, 2017] в своем обзоре отмечает, что, хотя тематическое и методологическое разнообразие исследований КД расширяется, число работ, посвященных способам его снижения, значительно меньше, чем по другим направлениям. В то же время именно способы снижения диссонанса — ключевая часть теории для данной статьи, поэтому подробное описание сравнительно небольшого корпуса работ по теме представляется необходимым.

Прежде чем переходить к непосредственному описанию данной литературы, отметим, что в исследованиях, посвященных способам снижения диссонанса, используется несколько базовых идей. Во-первых, для выхода из ситуации КД человек не обязательно избирает лишь один способ: если для конкретного кейса оптимально обращение к нескольким способам, они могут комбинироваться в свободном режиме [Aronson, 1968]. Во-вторых, какой бы способ (или комбинация их) ни был избран человеком в ситуации диссонанса, выбор его совершается ввиду ряда факторов: например, воспринимаемых доступности (или «энергозатратности»), эффективности, и/или стабильности — наличия некоторых субъективных га-

рантий, что в ближайшем будущем он не приведет к новой ситуации диссонанса. Предполагается, что способы снижения диссонанса имеют субъективную иерархию, варьирующуюся от человека к человеку и от ситуации к ситуации [Walster, Berscheid, Barclay, 1967].

Из трех выделенных Л. Фестингером способов «базовым» для большинства работ, исследующих КД, считается его снижение через смену собственного мнения или поведения. Предполагается, что, будучи помещенным в ситуацию, вызывающую у него диссонанс (частотный пример — выбор между одинаково привлекательными предметами, из которых лишь один возможно оставить, а второй необходимо отдать), человек будет стремиться изменить свое мнение или дальнейшее поведение так, чтобы оно консонировало с другими когнициями (например, убедит себя, что данная вещь менее привлекательна). В ходе развития теории неоднократно подвергалось критике излишнее использование смены мнений в качестве переменной (например, [Devine et al., 2019]). Наиболее часто указывается на не-применимость данного способа в случаях, когда человек настолько уверен в собственных представлениях, что их изменение в ситуации диссонанса не представляется оптимальным. Отмечается также, что исследования смены мнения имеют тенденцию учитывать при анализе лишь данный способ, что идет вразрез с идеей возможного комбинирования нескольких способов и ведет к искусственным ограничениям в ходе интерпретации результатов.

Другой способ, введенный в оборот Л. Фестингером, — поиск и последующее добавление в картину мира новых когниций, консонирующих с мнением человека, — «выборочный контакт». Выборочный контакт предполагает, что в ситуации диссонанса человек стремится найти новую информацию, подкрепляющую его мнение (консонирующие когниции) [Brock, Balloun, 1967; Cotton, 1985; Frey, 1986]. Такому поведению в рамках данного способа были позже рядоположены различные действия по внутренней рационализации поведения, то есть поиску человеком имплицитных причин для совершения того или иного действия, как, например, свидетельства собственной компетентности [Blanton et al., 2001] или же подтверждения того, что любой другой человек поступил таким же образом, оказавшись в схожей ситуации [McKimmie et al., 2003].

Тривиализация, третий способ снижения диссонанса, предложенный Л. Фестингером, долгое время оставалась наименее исследованной. Под тривиализацией понимаются разнообразные действия человека, направленные на снижение важности внешних диссонирующих когниций. Наиболее известной и первой крупной эмпирической работой, фокусирующейся на тривиализации, стала статья Л. Саймона и коллег [Simon, Greenberg, Brehm, 1995]. В статье исследуется, какие факторы влияют на приоритет тривиализации при выборе способа снижения КД. В ходе серии экспериментов авторы выяснили, что участники прибегали к тривиализации тогда, когда их собственное мнение было эксплицировано до возникновения диссонанса или же сама рамка вопроса позволяла «безболезненно» трактовать когниции как неважные для их картины мира. Впоследствии к вопросу тривиализации неоднократно возвращались французские исследователи: Р.В. Джуль и М.А. Мартини [Martinie, Joule, 2000; Joule, Martinie, 2008], а также В. Фуантия [Michel, Fointiat, 2003; Fointiat, Somat, Grosbras, 2011], — в фокусе

их работ также оказывается тривиализация когниций, ее виды и их использование участниками экспериментов. Среди важных концептуальных элементов — тривиализация через «неверную атрибуцию» [Martinie, Joule, 2000; Fointiat et al., 2011], то есть рационализация участниками КД как спровоцированного внешними факторами (например, плохим настроением, принятием лекарств или веществ, влияющих на потенциальную реакцию). В совместной с С. Мишель работе 2003 г. В. Фуантия разрабатывает идеи Л. Саймона и коллег, предполагая, что к тривиализации прибегают люди, чьи когниции (или действия), вступающие в диссонанс, менее консistentны изначально [Michel, Fointiat, 2003]. Результаты исследования показали, что люди с более консistentными мнениями чаще прибегают к изменению мнения. М.А. Мартини и В. Фуантия также обращают внимание на связку самооценки и тривиализации, экспериментально иллюстрируя тенденцию людей с низкой самооценкой обесценивать в ситуации диссонанса свое мнение и степень ответственности [Martinie, Fointiat, 2006].

Важно, что вышеперечисленные способы, несмотря на их применимость к различным трактовкам КД в рамках разных теоретических течений, в работах классиков теории когнитивного диссонанса так или иначе подводятся к теории действия. В случаях новых моделей, однако, их проявления и интерпретации могут отличаться от «классического» их видения. Более того, в рамках данных течений приводятся также и иные — зачастую значительно более редко фигурирующие в литературе ввиду значительной сложности их идентификации и иллюстрации, — способы снижения диссонанса. Среди таковых отметим так называемые избегание и отвлечение (*distraction and forgetting*) [McGrath, 2017: 4], введенные в оборот в работах М.П. Занна и К. Азизы, Р.Э. Элкина и М.Р. Лайппе [Zanna, Aziza, 1976; Elkin, Leippe, 1986]. Такой способ рассматривается как альтернативный и выбираемый в случаях, когда использование иных не представляется возможным. В части работ утверждается, что данный способ необходимо рассматривать как отдельный аспект теории КД, а не рядополагать его другим способам [Olson, Stone, 2014]. Действительно, от описанных выше способов «избегание» отличает возможность его использования в виде превентивной меры до возникновения диссонанса. Тем не менее нельзя игнорировать факт, что, несмотря на малое количество работ, эксплицитно выделяющих «избегание», варианты его использования демонстрируются и в иных исследованиях, особенно смежных с теорией когнитивного диссонанса и посвященных тактикам убеждения и смене мнений [Shah, Friedman, Kruglanski, 2022; Buller, 1986].

В русскоязычной литературе теория КД — популярная рамка для лингвистических и когнитивно-лингвистических [Серебрякова, 2018; Белоус, 2008], а также психологических исследований [Авдеева, 2014; Маренко и др., 2015]. В социологических же работах, как ранее упоминалось, КД фигурирует редко. При этом разнообразие тематических направлений работ крайне широко: теория КД в той или иной мере используется в исследованиях социологии знания [Жернов, Жернова, 2011; Губина, 2013], риска [Исмаилов, 2010], морали [Безрукова, 2014]; установок и социальных процессов [Кациель, 2017; Стеценко, 2009; Штейнберг, 1997]. Как и в случае иностранных работ, такой широкий набор тем может маскировать ограниченность объема исследований, в которых КД выступает основным

инструментом или фокусом. Лишь несколько из перечисленных выше работ в полной мере углубляются в проблематику диссонанса [Жернов, Жернова, 2011; Кациель, 2017; Штейнберг, 1997], и только одна [Жернов, Жернова, 2011] использует методологические подходы, характерные для когнитивистских исследований в рамках теории. Более того, в ходе поиска русскоязычной литературы по теме не было обнаружено исследований, в которых ситуация диссонанса рассматривалась бы не с точки зрения ее возникновения, а с точки зрения способов выхода из нее и снижения эмоционального напряжения, и в которых используется не рамка модели действия, а иные модели, в частности используемая в данной статье модель стандарта о себе.

Как видно из обзора, существующая литература в области психологии, посвященная теории КД, в значительной степени ограничена в том, что касается исследований способов снижения диссонанса. В контексте же социологической проблематики, несмотря на то что в последние годы наметился рост интереса к феномену диссонанса — как среди иностранных, так и среди российских исследователей,— на данном этапе невозможно говорить о полноценном включении теории когнитивного диссонанса в социологический инструментарий.

Методология²

Данные, лежащие в основе этой статьи, были собраны в 2024 г. в трех городах-миллионниках России — Москве (столица, центр притяжения мигрантов, сложная конструкция этничности и большое разнообразие повседневных контекстов), Челябинске (столица «ненационального» региона, малая привлекательность для мигрантов) и Казани (столица «национального» региона, значительная роль ислама как фактора, потенциально привлекающий мигрантов из основных стран исхода и/или влияющий на отношение к ним). В каждом городе было проведено по семь полу-структурированных тематических глубинных интервью, суммарно собрано 21 интервью средней продолжительностью 45,5 минуты. Выборка осуществлялась квотным методом, квотировались пол, возраст, город проживания и образование информантов. Квоты были определены исходя из принципа максимального разнообразия информантов, а также результатов предыдущих исследований автора и коллег, посвященных отношению к мигрантам в России (см. сноска 2). Поиск информантов осуществлялся на улицах городов в соответствии с квотами, количество интервью было определено на подготовительном этапе согласно обоснованной теории [Glaser, Strauss, 2017]. Для удобства работы с квотами был создан кейсбук, в который вошла также информация о сфере занятости информанта (см. [Приложение 1](#)).

Важно отметить, что исследование, представленное в данной статье, является частью крупного проекта (см. сноска 2), посвященного отношению местного населения к мигрантам и миграции. В связи с этим, несмотря на ограничения и смещения, многие методологические аспекты (например, квотная выборка, прове-

² Значительное влияние на методологию исследования оказали предыдущие проекты исследовательского коллектива, в состав которого входит автор. Выбор квот, формулировки вопросов, предлагавшиеся для реакции информантов кейсы (новостные сводки и «обобщенные мнения» о мигрантах), а также виньетка «соседства» основывались на данных, полученных в ходе более масштабных качественных и количественных проектов, посвященных отношению местного населения к мигрантам и восприятию миграции (см., например, [Варшавер, Иванова, Егорова, 2024; Иванова et al., 2025]).

дение интервью на улицах городов и сами выбранные для сбора данных локации (регионы и города)) определялись из соображений обеспечения консистентности с другими смежными исследованиями коллектива. Результаты данного исследования не позволяют делать выводы о том, каким образом происходит снижение когнитивного диссонанса в масштабах более крупных выборок, однако они вкладывают базу для дальнейшего изучения темы. Это соотносится с задачей представленного в статье проекта, которая состояла в создании базы для дальнейшей работы с методологией, включающей в себя экспериментальные элементы, разработанные на основе опыта исследований в сфере когнитивистики, в том числе пилотирование экспериментов с КД и получение первичных данных о реакции людей на конфликтующую с их мнением информацию.

На первом этапе интервью (полный гайд см. в [Приложении 2а](#)) информантам предлагалось высказать свою общую точку зрения о мигрантах в форме открытого вопроса. Затем их просили проинтерпретировать ряд слов и словосочетаний, используемых в обществе для обозначения мигрантов («иностранцы», «среднеазиаты» и др.), что позволяло далее использовать «язык информанта», а также подробнее проговаривать дальнейшие элементы гайда, используя вариации интерпретаций в зависимости от смыслов, вкладываемых информантами в каждый термин. На основании высказанной точки зрения далее последовательно предлагалось отреагировать на предложения, отражающие распространенные в обществе представления о мигрантах (например, о работе: «мигранты занимают рабочие места „местных“» или, наоборот, «мигранты привносят вклад в российскую экономику», — считающие негативное или положительное отношение к мигрантам в контексте экономики и рынка труда соответственно. Представления подразделялись на такие группы, как «Экономика», «Демография», «Законы», «Правила „общежития“», и другие (полное распределение представлений и стимулов в соответствии с группами см. в [Приложении 2б](#)), которые были экстраполированы на основании предыдущих исследований. В зависимости от высказываемых информантами мнений интервьюер предлагал свидетельства — чаще всего в виде ссылки к новостным заголовкам³, — противоречащих им точек зрения, предлагая отреагировать и прокомментировать их. В случае, если ситуация диссонанса не возникала в ходе обсуждения данных элементов дискурса, информанту предлагалось представить ситуацию, в которой мигранты станут его непосредственными соседями, — и моделировались ситуации с различными атрибутами мигрантов (например, если это семья или группа рабочих, уроженцы Средней Азии или стран Европы, религиозные или нерелигиозные люди) (алгоритм представления стимулов и условия введения блока виньеток — см. [Приложение 2в](#)). В рамках предыдущих исследований ситуации подобного рода (знакомство с мигрантами и/или указание на разнообразие категории) нередко «ломали» дискурсивную рамку информантов и респондентов, в связи с чем было принято решение включить данный блок в интервью. В результате в ходе каждого интервью между интервьюером и информантом выстраивалась активная дискуссия с выраженной оппозицией, так что реализовывался квазиэксперимент, предполагающий созда-

³ Например, в случаях, когда информанты высказывали убежденное мнение, что мигранты преимущественно являются преступниками, им приводили статистику преступности среди мигрантов и «местных».

ние для информанта ситуации когнитивного диссонанса («слома» когнитивной схемы) и необходимости выхода из нее.

Собранные данные были транскрибированы с использованием ИИ-инструментов для обработки аудио (Trint, MyMeet.ai), затем автотранскрипции были анонимизированы, выгружены и обработаны при помощи ПО для анализа качественных данных Atlas.ti. В ходе обработки выявлялись моменты, в которых информантам предлагалась диссонирующая информация, и их реакции на данную информацию. Впоследствии выделенные фрагменты были проанализированы, выделено разнообразие реакций информантов на различные ситуации диссонанса и предпринимавшихся ими дальнейших действий. Параллельно анализировались аудиоверсии интервью: с использованием временных отметок отдельно выделялись крупные паузы, моменты растерянности и иные неотраженные в текстовых транскрипциях моменты. По завершении данной обработки к анализу была привлечена сначала классическая рамка способов снижения диссонанса, предложенная Л. Фестингером (коды: «Смена мнения» — если на протяжении интервью в результате представления стимула информант высказывал точку зрения, отличную от эксплицированной ранее; «Снижение важности мнения» — реагируя на стимул, информант апеллировал к не значительности/неэкспертности своей позиции; «Дополнительная информация» — информант начинал искать дополнительную информацию, способную объяснить диссонирующий кейс и легитимировать его), в результате чего часть данных реакций была индуктивно объединена в соответствующие крупные категории. Однако в связи с тем, что предложенная Л. Фестингером триада не в полной мере описала разнообразие реакций на ситуацию КД, было принято решение повторно проанализировать массив с использованием «расширенной» категоризации, использующей также способы снижения КД, не входящие в классические три, предложенные Л. Фестингером. Было принято решение взять за основу анализа типологию, представленную в работе Э. МакГратт [McGrath, 2017], в частности были добавлены коды «Уход от темы», «Снижение важности кейса», «Избегание» (использовалось для кодирования отношения к новостным заголовкам в ответ на соответствующий вопрос в гайде). В ходе повторного анализа при возникновении спорных моментов и/или использования информантами нескольких способов автором проводились регулярные сессии обсуждений с коллегами для верификации решений. Когда информанты прибегали к двум способам, они кодировались двумя отдельными кодами. В результате повторного анализа было обнаружено, что некоторые из использованных кодов (например, «Снижение важности мнения» и «Снижение важности кейса») оказались схожими, в связи с чем они были интегрированы и была сформирована финальная триада способов снижения диссонанса, представленная в разделе «Результаты».

Результаты

Анализ собранных данных показал, что в моделируемой ситуации диссонанса в ходе обсуждения мигрантов информанты прибегали к трем основным способам его снижения: поиску информации, которая могла бы подтвердить их мнение (поиск консонирующих когниций), обесцениванию собственного мнения или предлагаемой им диссонирующей информации (тривиализация), избеганию — отвлечению от ситуации диссонанса в целом. Отдельно стоит выделить состояние

ступора, появлявшееся у некоторых информантов в первые моменты после получения диссонирующей информации,— такую реакцию нельзя назвать способом снижения диссонанса, но его появление позволяло информантам «выкроить» время для поиска подходящего способа.

Главным способом выхода из ситуации КД для информантов стал поиск дополнительных консонирующих когниций (распределение частоты использования способов см. в [Приложении 3](#)). Многие информанты с готовностью соглашались с возможностью существования предлагавшихся им диссонирующих кейсов, предполагая, однако, что такие кейсы обладали дополнительными, неупомянутыми интервьюером условиями, объясняющими их.

Информант: Вот для эмиграции обязательно ценз. <...> Если ты не знаешь русского языка, что тебе тут делать? До свидания. Причем нельзя никаких ни поблажек, ничего — либо сдаешь, либо уезжаешь отсюда и доучаиваешь.

Интервьюер: Но у нас же есть экзамен «Русский как иностранный». <...>

Инф.: Он у нас как-то очень мягко предпринимается, судя по тому, сколько у нас не говорящих. (Жен., 42, Ч.)⁴⁵

Инф.: Вообще в этой новости [о нападении на девушку мигрантом] меня больше всего раздражало то, что акцент сделан на слове «мигрант». То есть если бы это произошло не с мигрантом, это вообще бы не стало новостью. <...>

Инт.: То есть скорее не новость вызвала негатив, а то, как она была подана?

Инф.: Да, то есть автор ресурсов <...>. Не знаю, чем они руководствуются. Может быть, у них самих такая позиция, может быть, они хотят общественной огласки. (Муж., 20, М.)

Поиск предполагаемых «скрытых» консонирующих с точкой зрения информантов условий позволял им «вписывать» диссонирующий кейс в свою картину мира. Однако собственная точка зрения не для всех информантов оказывалась столь однозначной, что для ее подтверждения было достаточно подобрать подходящий набор дополнительных когниций. В случае столкновения с диссонирующей когницией некоторые соглашались с предлагаемой информацией, а дополнительные условия становились способом достичь компромисса между двумя точками зрения и не обязательно были призваны подтверждать мнение информантов.

Инт.: Есть мнение, что в том, чтобы завозить много мигрантов в Россию, заинтересованы власть имущие <...> и что эта заинтересованность способствует тому, что мигрантов становится все больше.

⁴ Здесь и далее используются следующие сокращения: Жен.—женщина, Муж.—мужчина, М.—Москва, К.—Казань, Ч.—Челябинск.

⁵ В связи с требованиями журнала к объему статей вынужденной мерой стало значительное копирование большинства цитат. В ходе всего интервью между интервьюером и информантом выстраивалась оппозиция, в рамках которой высказывания, в их сокращенной форме не выглядящие яркими противопоставлениями, оказывались таковыми по факту, что считывается в аудиозаписях и полных транскриптах интервью. Вынужденная краткость приводимых цитат и значительная сложность методологии не позволяют в деталях воспроизвести все элементы, ставшие индикаторами ситуации диссонанса. В данном случае (как и в дальнейших цитатах) акцент ставится на то, чтобы проиллюстрировать, что подразумевается под каждым способом выхода из ситуации КД, поэтому было принято решение сократить значительную часть контекста и привести лишь те реплики, которые имеют непосредственное отношение к иллюстрируемому способу.

Инф.: Может быть. Я, честно, такие новости не слышала. <...> Потому что, все-таки, если им здесь нравится, они могут так же сказать своим друзьям, родным. И вот эта вся цепочка пойдет. Возможно. (ж., 20, Ч.)

Инт.: Кого было бы приятнее видеть?

Инф.: Ни тех, ни других.

Инт.: Вы вообще придерживаетесь точки зрения, что нужно ограничить [въезд мигрантов] целиком?

Инф.: Нет. <...> Не то чтобы ужесточить, но чтобы не было проходного двора. Ну, там, хотя бы визы рабочие.

Инт.: Сейчас же, по-моему, есть патенты, визы.

Инф.: Есть, но коррумпировано все. <...>

Инт.: Была новость про то, что в Екатеринбурге забрался на 20-й этаж во время пожара, спас ребенка. Читая такую новость, что в голову приходит?

Инф.: Я говорю же, среди них тоже есть хорошие люди. <...>

Инт.: Все-таки тогда почему их нужно выдворять?

Инф.: Мне кажется, что не нужно выдворять. Немножко нужно... Чтобы уж по головам не ходили. Немножко приструнить.

Инт.: То есть не то чтобы отсюда высыпало мигрантов и депортировать их, а скорее просто...

Инф.: Призвать к порядку.

Инт.: А вообще насколько, на Ваш взгляд, сейчас что-то для этого делается? <...>

Инф.: Много. Сейчас после «Крокуса» начали ловить, депортировать. <...>

Инт.: Вы говорите, не нужно депортировать?

Инф.: Ну это ведь тех, которые нелегально прячутся [депортируют]. Они же прячутся, нелегалы же.

Инт.: Вот нелегалы... Вы говорите, что наоборот, что легальность больше развязывает руки людям. А депортировать начали нелегалов.

Инф.: Легальный <...> не то чтобы под наблюдением, но как бы... учтен. В плане закона тоже уязвим, как и мы все.

Инт.: То есть на виду человек становится из-за этого?

Инф.: [Кивает] Это в бытовом плане они наглеют. А в плане правопорядка — легальные... держатся за свое положение.

Инт.: Все-таки что тогда важнее, чтобы они в бытовом плане себя лучше вели или чтобы они были оформлены и были на виду?

Инф.: И то, и другое. (Муж., 49, К.)

Еще один распространенный среди информантов способ снижения диссонанса — тривиализация, или снижение важности когниций. При этом когниции (и, соответственно, тривиализация) встречались в двух вариантах. В ряде случаев информанты снижали важность собственного мнения. Происходило это в случае столкновения с авторитетным источником диссонирующих когниций и проявлялось особенно ярко при упоминании интервьюером мнений экспертов и статистических данных.

Инт.: Еще точка зрения по поводу численности мигрантов здесь. Есть люди, кому не-комфортно <...>, в некоторой степени страшно, что в России демографический кризис, что идет спад населения и что в какой-то момент россиян заменят мигранты <...>. Что Вы на эту тему думаете?

Инф.: Такой страх всегда есть. Вообще такой вариант возможен, потому что мы действительно рожаем меньше. Это как в Европе, <...> в Германии <...> много очень турок. То есть они [немцы] не рожают вообще детей или рожают одного ребенка, а те [турки] рожают гораздо больше. <...> Поэтому я и говорила, что надо все-таки как-то этот момент регулировать и ограничивать. <...>

Инт.: Хорошо. Новостной заголовок, который я почему-то себе не отметила. <...> Экспертная точка зрения <...> что в ближайшем будущем это России не грозит.

Инф.: С точки зрения экспертов, да?

Инт.: Да.

Инф.: Которые на каких-то статистических данных это основывают?

Инт.: Да.

Инф.: Ну, тогда очень хорошо, я очень рада. (Жен, 49, М.)

Инт.: Я видела новости, <...> что, наоборот, снижается уровень преступности среди мигрантов.

Инф.: Не знаю.

Инт.: По крайней мере, у меня она даже есть [в распечатанном виде]. «Уровень преступности среди мигрантов, — но это Уральский федеральный округ, — снизился на 37% по сравнению с тем же периодом прошлого года».

Инф.: Ну, это, дай Бог, хорошо тогда. Это тогда приветственно. Если это так на самом деле.

Инт.: А, нет, в Челябинской области 37%, по федеральному округу 22%. <...>

Инф.: Это хорошо тогда.

Инт.: То есть Вы открыты к тому, что такое изменение происходит? В плане Вы не считаете, что там врут они в новостях?

Инф.: Нет, я доверяю, да. Хочется верить. Ну, хочется верить хорошему, конечно, безусловно. (Жен., 54, М.)

В иных случаях информанты снижали КД через тривиализацию (обесценивание) обсуждаемого кейса, то есть указание на его исключительную природу, объясняющую противоречие представлениям информанта о том, как происходит ситуация «обычно». В ходе в таких случаях оказывались дискурсивные элементы, «вытаскиваемые» информантами из публичных дискурсов (например, формулировка: «Нет плохих наций, есть плохие люди»), а в некоторых случаях мнения об исключительности диссонирующих кейсов высказывались эксплицитно:

[Информант ранее в интервью высказывался негативно в отношении к мигрантам]
Инт.: Была новость про то, что в Екатеринбурге забрался на 20-й этаж во время пожара, спас ребенка. <...>

Инф.: Я говорю же, среди них тоже есть хорошие люди.

Инт.: <...> Они скорее для Вас исключение? <...>

Инф.: Нет, в любой нации, то есть, как у нас, бывают хорошие люди, бывают плохие люди. Вне зависимости от национальности. (Муж., 49, К.)

Инт.: ...Новостные заголовки в стиле «в Подмосковье держит в страхе целую деревню рабочая бригада». Вообще, насколько они Вам?.. Вот это представление о том, что 50/50 [«хороших» и «плохих» мигрантов], насколько вот эта вот негативная сторона складывается из таких новостей? Откуда она появляется?

Инф.: Я тоже нередко встречаюсь с подобными новостями. <...> Но я не скажу, что это большинство. Это какие-то вопиющие случаи, которые выходят просто потому, что они очень яркие. И мы не можем взять, наверное, за абсолют. <...> Под одну гребенку места вообще всех людей сложно. (Муж., 19, Ч.)

В некоторых ситуациях, когда информантам предоставлялись диссонирующие их убеждениям альтернативы, они не могли оперативно выбрать дальнейшую тактику и оказывались в ступоре. Это давало им передышку, чтобы найти искомый способ снижения КД.

Инф.: Да, я очень много этого уже начитался. <...> Преступность среди мигрантов повысилась. Я не знаю, именно с какого момента. Видимо, из-за того, что большое количество их.

Инт.: Я, наоборот, читала, что, например, по Уральскому федеральному округу упала преступность на 22 % среди мигрантов за последний год.

Инф.: [пауза 4 сек.] Хм, интересно...

Инт.: Сломала Вам рамку?

Инф.: Нет, ну... [пауза 3 сек.]. Интересно, конечно... Может быть, тут региональное, потому что в Москве в Питере в таких моментах они намного более завязаны... (Муж., 21, К.)

Не все случаи, однако, в которых ранее описанные способы не «подходили» информантам, заканчивались такого рода паузой. Небольшое число информантов активно прибегали к избеганию/отвлечению как основной схеме снижения КД. В таком случае в ходе ответа на вопросы интервьюера и реакции на соответствующие диссонирующие факты информанты достаточно быстро переходили к любым иным темам, рассуждение о которых им казалось более комфорtnым. Темы при этом могли быть как смежными с диссонирующим кейсом, так и достаточно отвлеченными:

[Пример типичной схемы ответа информанта на вопросы о мигрантах и отношении к ним. Реакция на новость «Свердловский областной суд отменил депортацию семьи в Казахстан» (см. [Приложение 2а](#))]

Инф.: Ну, люди есть очень активные, они добиваются. Я, например, вот мне лекарство выписали сердечное по Москве, его дают бесплатно, дорогое, 3,5 тысячи на один месяц. Ничего себе. Я лечусь в ведомственной поликлинике, где я работала, и я не хочу ее терять. А выдает это лекарство только поликлиника районная... (Жен., 85, М.)

Инт.: Некоторые люди считают, что мигранты, сюда приезжая, не соблюдают какие-то у нас общепринятые установленные правила поведения, что они как-то ведут себя по-своему, пытаются устанавливать свои правила игры.

Инф.: Каждый ведет себя так, как он умеет, да? <...> Я с детства там в оперативных отрядах и так далее. Называлось «добровольные народные дружины». Это было везде... (Муж., 60, К.)

По всей видимости, этот способ достаточно распространен для информантов вне интервью, особенно в отношении потребления новостей и связанного с данным процессом эмоционального напряжения. Гайд интервью включал блок вопросов о том, как часто информанты просматривают новостные источники, на какие новости обращают внимание, какие эмоции испытывают. В обсуждении многие информанты рассказывали, что в той или иной мере избегают новостей ввиду испытываемого стресса или эмоционального дискомфорта от новостных заголовков. Такие точки зрения высказывались в том числе в отношении негативных (и иногда противоречивых) эмоций, которые у информантов вызывали новости о мигрантах и недавнем на момент сбора интервью напряжении вокруг данной тематики, вызванном терактом в «Крокус Сити Холле», напряжением в республике Дагестан и прочих событиях, происходивших весной — летом 2024 г. Одни информанты выбирали избегание — по мере возможности — новостных источников или намеренного потребления новостного контента.

Инт.: ...Блок вопросов про новости. Насколько часто их читаете?

Инф.: Нет, я телевизор я не смотрю <...> не включала полгода. У меня и времени на это особо нет. Новости «ВКонтакте» читаю <...>. У меня есть друзья, которые мне подсовывают новости, те, которые, ну, как бы, надо знать. <...> В общем, таким образом, а сама я не <...> я очень аполитичный человек, не очень [люблю новости]. (Жен., 56, Ч.)

Другие информанты прибегали к отвлечению, в том числе быстрому, невовлеченному просмотру новостей.

Инт.: Возвращаясь к новостям про мигрантов. Когда все-таки они появляются в Вашей новостной ленте, насколько они... Какие эмоции они у Вас вызывают чаще всего?

Инф.: Интересный вопрос про эмоции. Потому что, наверное, это в связи с нашим ве-ком открытого интернета: мы уже ленту чаще всего пролистываем, просто не акцентируя внимание на тех или иных новостях. Но, опять же, наверное, это большеходит <...> в будничный разряд, что новость — новость — новость, потом что-то «мигрант», новость — новость — новость. <...>

Инт.: То есть это скорее эмоции типа безразличия какого-то? <...>

Инф.: Оно есть и есть. Оно уже произошло, ты с этим ничего не сделаешь, прими как должное. <...> Как ты этой информацией можешь воспользоваться? <...> Мы — и я в том числе — просто не акцентируем на этом внимание. <...> Выделил — пролистал, выделил — пролистал. (Муж., 31, Ч.)

Такое снижение внимания к новостям, по мнению информантов, высказывавшихся об этом, позволяет им избегать значительной доли эмоционального напряжения. Невозможно оценить, связано ли эмоциональное напряжение при просмотре новостных сводок с ситуацией возникновения КД, и если да — то в какой мере, однако можно предположить, что диссонанс имеет место как минимум в случае нескольких информантов, для которых в конфликт с представляющей в новостной сводке картиной мира вступают их собственные представления о России и ее обществе.

В ситуации КД, моделируемой интервьюером в ходе обсуждения мнения о мигрантах, информанты чаще всего использовали три способа его снижения. В ходе поиска консонирующих когниций диссонирующая когниция «подгонялась» под соответствие мнению информанта или же он выстраивал «мост» (ассоциативную связку) между высказанным мнением и диссонирующим кейсом. В качестве другого способа использовалась тривиализация двух видов: снижалась весомость собственного мнения человека или же самого случая через акцент на его исключительную природу. Как в случае поиска консонирующих когниций, так и в случае тривиализации информанты соглашались с возможностью существования диссонирующих когниций, однако предпринимали попытку «примирить» их со своей точкой зрения. Третий способ — снижение КД через избегание или отвлечение, в котором информанты не предпринимали попытки такого «примирения», а уходили от темы, снижая эмоциональное напряжение и необходимость поиска и оценки эффективности аргументов.

Дискуссия

Итак, результаты анализа дают базовое представление о том, какие способы снижения когнитивного диссонанса могут использоваться людьми в разговорах на темы, связанные с мигрантами. В этом контексте необходимо отметить несколько моментов, связанных с интерпретацией результатов.

КД в контексте когнитивного поворота в социологии

В социологических исследованиях все больше внимания уделяется вопросам социального поведения, социального действия и роли сознания в нем. Существующие подходы к интерпретации данных феноменов, в особенности социального действия, во многом соотносятся с теорией КД, а именно моделью стандарта о себе (self-standard model). Данная модель постулирует, что в сознании человека существует набор представлений о (1) себе (личный стандарт) и (2) общепринятых нормах поведения (нормативный стандарт), на основе которых оцениваются действия и может возникать диссонанс. Модель предполагает, что КД может возникать не только в случае, если поведение человека диссонирует с его собственными когнициями и представлениями о себе, но и в случае, если оно так или иначе диссонирует с его представлениями о том, что является нормой поведения в обществе. Подобную рационализацию можно интерпретировать через концепцию когнитивных схем, активно разрабатываемую в рамках когнитивного поворота в социальных науках.

Существует множество интерпретаций когнитивных схем, в нашем случае важные авторы, исследующие когнитивные схемы и их влияние на социальное пове-

дение,— Пол ДиМаджио и Энн Свидлер, в работах которых когнитивные схемы интерпретируются как «репертуары» [Swidler, 1986] или «мешок со всякой всячиной» [DiMaggio, 1997], то есть достаточно неструктурированные наборы знаний и ассоциативных связей, ситуативно и по большей степени неосознанно «подбирающиеся» людьми для интерпретации происходящего и выстраивания собственного поведения. Когнитивные схемы не статичны: в случаях, когда они перестают «работать», они могут перестраиваться, создаются новые связи между элементами, рефлексируется и изменяется поведение. Подобный «слом» схем во многом перекликается с механизмами когнитивного диссонанса и выхода из него согласно модели стандартов о себе: если «точка слома» схемы находится достаточно «близко» к представлениям человека о том, какое поведение соответствует личному или нормативному стандарту, возникает сильный КД, выход из которого достигается рефлексией и реинтерпретацией схемы. В случаях, когда «точка слома» находится «далше» от таких представлений, проявления диссонанса могут оказываться более слабыми и требующими меньших усилий для «перенастройки» схемы, в том числе через добавление иных стратегий, описывающих диссонирующий кейс.

Можно предположить, что именно «отстраненность» вопросов, связанных с миграцией и мигрантами, от личных или моральных стандартов может приводить к тому, что диссонанс, если он возникал для информантов, не был острым и не требовал глубокой рефлексии, в результате чего базовым способом выхода из ситуации КД становился поиск «ближайших» смежных дополнительных связей, иным образом объясняющих ситуацию, а не более масштабный пересмотр всей схемы.

Повседневные взаимодействия, КД и ограничения метода

Представленное в статье исследование использует нестандартную методологию, находящуюся на стыке социологических и когнитивистских подходов. В связи с этим при сборе данных не использовались стандартные для исследований КД экспериментальные процедуры. Выбор дизайна обусловлен тем, что одним из ограничений как классической экспериментальной (использующейся исследователями КД), так и социологической (применяющейся в исследованиях когнитивных схем) методологии, является неочевидность имплицитных когнитивных стратегий и их трансформаций в рамках «слома» когнитивных схем. Использование интегрированной методологии, с одной стороны, позволяет считать именно такие неочевидные элементы, но также влечет за собой ряд ограничений. Ситуации «слома» когнитивных схем и их последующей «пересборки» значительно менее очевидны, чем классические ситуации КД, приводимые в когнитивистской литературе. Кроме того, критерии выявления таких кейсов оказываются ситуативными и плохо контролируемыми в конвенциональном смысле. Как в ходе интервью, так и на этапе кодирования первостепенной задачей было считывание и понимание существующей у информанта «схемы», что позволяло в дальнейшем подбирать (и идентифицировать при кодировании) «персонализированный» метод ее «слома». В результате невозможно говорить о существовании единой «формулы диссонанса», применявшейся в ходе сбора данных. Тем не менее использовавшийся дизайн позволил эффективно считывать как схемы, так и механику их использования и трансформации, что в нашем случае ставилось в приоритет.

Важно также отметить, что все описанные способы снижения КД — идеальные типы, в повседневных взаимодействиях, могут использоваться их комбинации. Для того чтобы снизить важность диссонирующего кейса, человек может искать консонирующие условия. В ходе интервью информанты зачастую обращались именно к такому «набору», однако могут использоваться и другие комбинации, например, в ходе поиска консонирующих когниций человек находит смежные темы, на которые сможет отвлечься. Такую «идеально-типичность» отмечают также и исследователи-когнитивисты [Aronson, 1968], работающие со способами снижения диссонанса. С другой стороны, это вновь концептуально перекликается с идеей «мешка со всякой всячиной» [DiMaggio, 1997]: точно так же, как из некоторого пула «вытягиваются» комплексы представлений, ситуативно «вытягиваются» наборы реакций на КД, в данной интерпретации являющиеся элементами когнитивной схемы.

В этом контексте важен вопрос о том, насколько инструмент в целом позволяет считать реалистичными реакции людей в ситуации КД, когда присутствует эффект интервьюера. В первую очередь это относится к случаям, в которых использовалась тривиализация собственного мнения. В ходе получения согласия на интервью интервьюер аффилировал себя с крупным государственным образовательным учреждением, тем самым беря на себя роль эксперта. Значительное число информантов, даже если применялся иной способ снижения КД, в тот или иной момент интервью утверждали, что интервьюер может обладать большей экспертизой, чем они, и прибегали к тривиализации своего мнения. Более того, аффилиация интервьюера могла влиять на частоту использования информантами эвфемизмов и других смягчающих выражений, а также спровоцировать стремление уйти от ответа, если он воспринимался информантами как рискованный, что при анализе считывалось как избегание/отвлечение.

В связи с этими особенностями могли быть упущены и иные потенциальные ситуации КД, которые могли бы возникнуть в менее официальной обстановке. Соответственно, могли проявиться иные способы выхода из таких ситуаций. Например, один из наиболее широко исследованных, популярных и признанных способов в психологической литературе — смена мнения — не использовался нашими информантами. Тем не менее можно предположить, что такая смена потенциально может происходить под влиянием мнений близких людей. В ходе интервью в Челябинске информант прервалась на короткий телефонный звонок от близкой подруги, в котором упоминалась тема интервью и прозвучало мнение звонившей. После звонка преимущественно негативное мнение, транслировавшееся информантом в ходе интервью до звонка, изменилось на нейтрально-положительное. Комментируя такое изменение, подмеченное интервьюером, информант отметила, что положительное мнение подруги о мигрантах воспринимается ею как обладающее значительным авторитетом и имеет большое влияние на ее собственное. Такой кейс иллюстрирует, как при появлении внешнего триггера «вытаскивается» соответствующий ответ на него, и описанную ситуативность выбора. В связи с этим можно предположить, что способы преодоления диссонанса во многом зависят не от имеющихся представлений, а от контекста разговора, и в таком случае мы говорим скорее о дискурсивных стратегиях и тактиках (пере)убеждения, в том числе и самого себя.

Наметившаяся в социологических исследованиях подвигка к использованию методов и концепций когнитивистики и психологических наук — когнитивный поворот — открывает новые возможности для интерпретации социальных феноменов и их механизмов. Одним из важных направлений исследований становится феномен социального действия и его когнитивистская интерпретация. В этом контексте исследования природы когнитивного диссонанса могут выходить из поля когнитивистики на социологический уровень, в котором проблематизация и интерпретация данного феномена могут осуществляться через концепцию когнитивных схем и теорию социального действия. Когнитивный диссонанс, таким образом, предстает в виде момента «слома» схемы, а последующий из него выход (или его снижение) — процесс, позволяющий проследить за тем, каким образом данные схемы используются для реакций на противоречивую информацию, видоизменяются и регулируют социальное поведение. Такая интерпретация предоставляет новый, ранее мало применявшийся подход к социологической интерпретации поведения, который, тем не менее, обладает большим потенциалом для его дальнейшей разработки.

Список литературы (References)

1. Авдеева И. Б. Когнитивный диссонанс как причина неуспеха при обучении РКИ в вузах инженерного профиля // Полилингвальность и транскультурные практики. 2014. № 3. С. 81—87.
Avdeeva I. B. (2014) Cognitive Dissonance as a Reason of Failure in the Study of Russian as a Foreign Language at Engineering Schools. *Polylinguiality and Trans-cultural Practices*. No. 3. P. 81—87. (In Russ.)
2. Безрукова О. А. Основания социологии ответственности в рамках этики и общей социологии морали // Экономика, социология и право. 2014. № 4. С. 124—127.
Bezrukova O. A. (2014) Foundations of the Sociology of Responsibility within the framework of Ethics and General Sociology of Morality. *Economics, Sociology and Rights*. No. 4. P. 124—127. (In Russ.)
3. Белоус Н. А. Когнитивный диссонанс как один из факторов возникновения конфликтного дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 1. С. 53—63.
Belous N. A. (2008) Cognitive Dissonance as a Factor of a Conflicting Discourse. *Issues of Cognitive Linguistics*. No. 1. P. 53—63. (In Russ.)
4. Варшавер Е. А., Иванова Н. С., Егорова Т. Д. Воображая российскую нацию: кто, с точки зрения жителей России, является частью российского общества и можно ли стать его частью? // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ. 2024. Т. 26. № 2. С. 306—324.
Varshaver E. A., Ivanova N. S., Egorova T. D. (2024) Imagining the Russian Nation: Who, According to the Residents of Russia, Constitute Russian Society, and Can an Outsider Become Its Member? *RUDN Journal of Political Science*. Vol. 26. No. 2. P. 306—324. (In Russ.)

5. Губина Н. В. Когнитивный диссонанс населения города с властью с позиций социологии знания // Вестник Казанского технологического университета. 2013. Т. 16. № 12. С. 313—318.
Gubina N. V. (2013) Cognitive Dissonance between Urban Residents and Authorities from the Perspective of Sociology of Knowledge. *Kazan Technological University Bulletin*. Vol. 16. No. 12. P. 313—318. (In Russ.)
6. Демидова О. А. Отношение к иммигрантам в России: региональный аспект // Пространственная экономика. 2021. Т. 17. № 3. С. 133—155. <https://www.doi.org/10.14530/se.2021.3.133-155>.
Demidova O. A. (2021) Attitude towards Immigrants in Russia: Regional Aspect. *Spatial Economics*. Vol. 17. No. 3. P. 133—155. (In Russ.) <https://www.doi.org/10.14530/se.2021.3.133-155>.
7. Жернов Е. Е., Жернова Н. А. Методологическое обоснование процесса управления знаниями: учет когнитивного диссонанса // Известия УрГЭ У. 2011. № 1. С. 112—117.
Zhernov E. E., Zhernova N. A. (2011) Methodological Basis for the Knowledge Management Process: Considering Cognitive Dissonance. *Ural State Economic University Bulletin*. No. 1. P. 112—117. (In Russ.)
8. Иванова Н. С., Егорова Т. Д., Варшавер Е. А., Савин И. С. «Жить так же, как мы живем»: представления жителей России об интеграции мигрантов // Актуальные Проблемы Европы. 2024. № 3. С. 245—265. <https://doi.org/10.31249/ape/2024.03.14>.
Ivanova N. S., Egorova T. D., Varshaver E. A., Savin I. S. (2024) "To Live Just Like We Do": Russian Residents' Perceptions of Migrant Integration. *Current Problems of Europe*. No. 3. P. 245—265. (In Russ.) <https://doi.org/10.31249/ape/2024.03.14>.
9. Исмаилов А. А. Социология риска: принятие решений в условиях риска // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 4. С. 277—285. <https://www.doi.org/10.24833/2071-8160-2010-4-13-277-285>.
Ismailov A. A. (2010) Risk Sociology: Decision Making Process in Risk Situations. *MGIMO Review of International Relations*. No. 4. P. 277—285. <https://www.doi.org/10.24833/2071-8160-2010-4-13-277-285>. (In Russ.)
10. Кациель С. А. Определение уровня когнитивного диссонанса в студенческой среде средствами социологического мониторинга // Омские Социально-гуманитарные Чтения-2017: Материалы X Международной научно-практической конференции / отв. ред. Л. А. Кудринская. Омск: Омский государственный технический университет, 2017. С. 52—56.
Katsiel S. A. (2017) Measuring Cognitive Dissonance in the Student Environment through Sociological Monitoring. In *Omsk Social-Humanitarian Readings-2017: Proceedings of the 10th International Scientific Conference*. P. 52—56. Omsk: Omsk State Technological University. (In Russ.)
11. Маренко В. А., Лучко О. Н., Ляпин В. А., Гуша С. Ю., Алексеенко Л. В. Когнитивное моделирование как инструмент изучения когнитивного диссонанса личности

- // В Знания — Онтологии — Теории (ЗОНТ-2015): Материалы Всероссийской конференции с международным участием / под ред. Д. Е. Пальчунова. Новосибирск: ООО «Технотрейд», 2015. Т. 2. С. 29—35.
- Marenko V.A., Luchko O.N., Lyapin V.A., Gushcha S. Yu., Alekseenko L.V. (2015) Cognitive Modeling as a Tool for Studying Personal Cognitive Dissonance. In *Knowledge — Ontologies — Theories (ZONT-2015): Proceedings of all-Russian Conference with International Attendance*. Vol. 2. P. 29—35. Novosibirsk: Technotrade LLC. (In Russ.)
12. Мукомель В.И. Миграционная ситуация и мигранты в восприятии россиян // Вестник российской нации. 2021. № 1—2. С. 53—68.
Mukomel' V. I. (2021) Migration Situation and Migrants in the Perception of Russians. *Bulletin of Russian Nation*. No. 1—2. P. 53—68.
13. Серебрякова С.В. Когнитивный диссонанс как интерпретационная рамка межличностных отношений персонажей // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 1. С. 137—143. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2018-1-137-143>.
Serebryakova S.V. (2018) Cognitive Dissonance Theory as Interpretation Framework for Interpersonal Relations of Characters. *Issues of Cognitive Linguistics*. No. 1. P. 137—143. (In Russ.) <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2018-1-137-143>.
14. Стеценко А.И. Признаки когнитивного диссонанса в вузе // Южно-Российский журнал социальных наук. 2009. № 4. С. 76—87.
Stetsenko A.I. (2009) Signs of Cognitive Dissonance at a University. *South-Russian Journal of Social Sciences*. No. 4. P. 76—87. (In Russ.)
15. Штейнберг И.Е. «Сpirаль молчания» или когнитивный диссонанс: Формирование электоральных установок сельских жителей // Социологический журнал. 1997. № 4. С. 64—70.
Steinberg I. E. (1997) “The Spiral of Silence” or Cognitive Dissonance: Towards the Electoral Attitudes of Peasants. *Sociological Journal*. No. 4. P. 64—70. (In Russ.)
16. Acharya A., Blackwell M., Sen M. (2018) Explaining Preferences from Behavior: A Cognitive Dissonance Approach. *The Journal of Politics*. Vol. 80. No. 2. P. 400—411. <https://www.doi.org/10.1086/694541>.
17. Akerlof G. A., Dickens W. T. (1982) The Economic Consequences of Cognitive Dissonance. *The American Economic Review*. Vol. 72. No. 3. P. 307—319.
18. Albarracin D., Shavitt S. (2018) Attitudes and Attitude Change. *Annual Review of Psychology*. Vol. 69. P. 299—327.
19. Aronson E. (1968) Dissonance Theory: Progress and Problems. In *Theories of Cognitive Consistency: A Sourcebook*, ed. by R. P. Abelson, E. Aronson, W. J. McGuire, T. M. Newcomb, M. J. Rosenberg, P. H. Tannenbaum. P. 5—27. Skokie, IL: Rand McNally.
20. Blanton H., Pelham B. W., DeHart T., Carvallo M. (2001) Overconfidence as Dissonance Reduction. *Journal of Experimental Social Psychology*. Vol. 37. No. 5. P. 373—385. <https://www.doi.org/10.1006/jesp.2000.1458>.

21. Bølstad J., Dinas E., Riera P. (2013) Tactical Voting and Party Preferences: A Test of Cognitive Dissonance Theory. *Political Behavior*. Vol. 35. P. 429—452. <https://www.doi.org/10.1007/s11109-012-9205-1>.
22. Borile S. (2015) Cultural Cognitive Dissonance in Migration and Ethnic Integration. *Civitas*. No. 9. P. 155—161.
23. Brock T. C., Balloun J. L. (1967) Behavioral Receptivity to Dissonant Information. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 6. No. 4. Pt. 1. P. 413—428. <https://www.doi.org/10.1037/h0021225>.
24. Brubaker R. (2004) Ethnicity Without Groups. Cambridge, MA: Harvard University Press.
25. Buller D. B. (1986) Distraction During Persuasive Communication: A Meta-Analytic Review. *Communication Monographs*. Vol. 53. No. 2. P. 91—114. <https://www.doi.org/10.1080/03637758609376130>.
26. Careja R. (2016) Party Discourse and Prejudiced Attitudes Toward Migrants in Western Europe at the Beginning of 2000s. *International Migration Review*. Vol. 50. No. 3. P. 599—627. <https://www.doi.org/10.1111/imre.12174>.
27. Cooper J., Fazio R. H. (1984). A New Look at Dissonance Theory. *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 17. P. 229—266. [https://www.doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60121-5](https://www.doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60121-5).
28. Cotton J. L. (1985) Cognitive Dissonance in Selective Exposure. In: Zillmann D., Bryant J. (eds.) *Selective Exposure to Communication*. Routledge. P. 11—33. <https://www.doi.org/10.4324/9780203056721>.
29. Devine P. G., Tauer J. M., Barron K. E., Elliot A. J., Vance K. M., Harmon-Jones E. (2019) Moving Beyond Attitude Change in the Study of Dissonance-Related Processes. An Update of the Role of Discomfort. In *Cognitive Dissonance. Reexamining a Pivotal Theory in Psychology. Second Edition*. Washington, DC: American Psychological Association. P. 247—269. <https://www.doi.org/10.1037/0000135-012>.
30. DiMaggio P. (1997) Culture and Cognition. *Annual Review of Sociology*. Vol. 23. P. 263—287. <https://www.doi.org/10.1146/annurev.soc.23.1.263>.
31. Elkin R. A., Leippe M. R. (1986) Physiological Arousal, Dissonance, and Attitude Change: Evidence for a Dissonance-Arousal Link and a “Don’t Remind Me” Effect. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 51. No. 1. P. 55—65. <https://www.doi.org/10.1037/0022-3514.51.1.55>.
32. Festinger L. (1957) A Theory of Cognitive Dissonance. Stanford, CA: Stanford University Press.
33. Festinger L., Carlsmith J. M. (1959) Cognitive Consequences of Forced Compliance. *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. Vol. 58. No. 2. P. 203—210. <https://www.doi.org/10.1037/h0041593>.

34. Festinger L. (1962) Cognitive Dissonance. *Scientific American*. Vol. 207. No. 4. P. 93—106.
35. Fointiat V., Somat A., Grosbras J.-M. (2011) Saying but not Doing: Induced Hypocrisy, Trivialization and Misattribution. *Social Behavior and Personality*. Vol. 39. No. 4. P. 465—476. <https://www.doi.org/10.2224/sbp.2011.39.4.465>.
36. Foster J. D., Misra T. A. (2013) It Did Not Mean Anything (About Me): Cognitive Dissonance Theory and the Cognitive and Affective Consequences of Romantic Infidelity. *Journal of Social and Personal Relationships*. Vol. 30. No. 7. P. 835—857. <https://www.doi.org/10.1177/0265407512472324>.
37. Frey D. (1986) Recent Research on Selective Exposure to Information. *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 19. P. 41—80. [https://www.doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60212-9](https://www.doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60212-9).
38. Glaser B. G., Strauss A. L. (2017) Discovery of Grounded Theory: Strategies for Qualitative Research. London: Routledge.
39. Joule R. V., Martinie M. A. (2008) Forced Compliance, Misattribution and Trivialisation. *Social Behavior and Personality*. Vol. 36. No. 9. P. 1205—1212. <https://www.doi.org/10.2224/sbp.2008.36.9.1205>.
40. Kleemans M., Klugman J. (2009) Understanding Attitudes towards Migrants: A Broader Perspective. *Human Development Research Paper (HDRP) Series*. No. 53.
41. Lieberman B. (2006) Nationalist Narratives, Violence Between Neighbours and Ethnic Cleansing in Bosnia-Hercegovina: A Case of Cognitive Dissonance? *Journal of Genocide Research*. Vol. 8. No. 3. P. 295—309. <https://www.doi.org/10.1080/14623520600950013>.
42. Link B. G., Phelan J. C. (2001) Conceptualizing Stigma. *Annual Review of Sociology*. Vol. 27. P. 363—385. <https://www.doi.org/10.1146/annurev.soc.27.1.363>.
43. Martinie M. A., Fointiat V. (2006) Self-Esteem, Trivialization, and Attitude Change. *Swiss Journal of Psychology*. Vol. 65. No. 4. P. 221—225. <https://www.doi.org/10.1024/1421-0185.65.4.221>.
44. Martinie M. A., Joule R. V. (2000) Trivialisation et Rationalisation en Acte dans le Paradigme de la Fausse Attribution: Deux Voies Alternatives de Réduction de la Dissonance. *Revue Internationale de Psychologie Sociale*. Vol. 13. P. 93—114.
45. Martinie M. A., Joule R. V. (2000) Trivialization and In-Act Rationalization in the Paradigm of False Attribution: Two Alternative Ways of Reducing Dissonance. *International Journal of Social Psychology*. Vol. 13. P. 93—114.
46. McGrath A. (2017) Dealing with Dissonance: A Review of Cognitive Dissonance Reduction. *Social and Personality Psychology Compass*. Vol. 11. No. 12. P. 1—17. <https://www.doi.org/10.1111/spc3.12362>

47. McGregor R. M. (2013) Cognitive Dissonance and Political Attitudes: The Case of Canada. *The Social Science Journal*. Vol. 50. No. 2. P. 168—176. <https://www.doi.org/10.1016/j.soscij.2013.01.004>.
48. McKimmie B. M., Terry D. J., Hogg M. A., Manstead A. S. R., Spears R., Doosje B. (2003) I'm a Hypocrite, but so Is Everyone Else: Group Support and the Reduction of Cognitive Dissonance. *Group Dynamics: Theory, Research, and Practice*. Vol. 7. No. 3. P. 214—224. <https://www.doi.org/10.1037/1089-2699.7.3.214>.
49. Michel S., Fointiat V. (2003) Trivialisation versus Rationalisation Cognitive: Quand L'adhésion à la Norme de Consistance Guide le Choix du Mode de Réduction de la Dissonance. *Cahiers Internationaux de Psychologie Sociale*. Vol. 56. P. 58—63.
50. Michel S., Fointiat V. (2003) Trivialization vs. Cognitive Rationalization: When Adherence to the Consistency Standard Guides Choice of Dissonance Reduction Mode. *International Social Psychology Bulletin*. Vol. 56. P. 58—63.
51. Moscovici S. (2000) Social Representations: Explorations in Social Psychology. New York, NY: Polity.
52. Nefes T. S., Milošević Đorđević J., Vdović M. (2024) With God We Distrust! The Impact of Values in Conspiracy Theory Beliefs About Migration in Serbia. *Sociological Research Online*. Vol. 29. No. 4. P. 931—946. <https://www.doi.org/10.1177/13607804231212310>.
53. Olson J. M., Stone J. (2014) The Influence of Behavior on Attitudes. In: Albaracín D., Johnson B. T., Zanna M. P. (eds.) *The Handbook of Attitudes*. New York, NY: Psychology Press. P. 223—272. <https://www.doi.org/10.4324/9781315178103>.
54. Shah J. Y., Friedman R., Kruglanski A. W. (2002) Forgetting All Else: On the Antecedents and Consequences of Goal Shielding. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 83. No. 6. P. 1261—1280. <https://www.doi.org/10.1037/0022-3514.83.6.1261>.
55. Simon L., Greenberg J., Brehm J. (1995) Trivialization: The Forgotten Mode of Dissonance Reduction. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 68. No. 2. P. 247—260. <https://www.doi.org/10.1037/0022-3514.68.2.247>.
56. Steele C. M. (1988) The Psychology of Self-Affirmation: Sustaining the Integrity of the Self. *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 21. P. 261—302. [https://www.doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60229-4](https://www.doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60229-4).
57. Stephens J. M. (2017) How to Cheat and Not Feel Guilty: Cognitive Dissonance and its Amelioration in the Domain of Academic Dishonesty. *Theory Into Practice*. Vol. 56. No. 2. P. 111—120. <https://www.doi.org/10.1080/00405841.2017.1283571>.
58. Stone J., Cooper J. (2001) A Self-Standards Model of Cognitive Dissonance. *Journal of Experimental Social Psychology*. Vol. 37. No. 3. P. 228—243. <https://doi.org/10.1006/jesp.2000.1446>.

59. Sweeney J. C., Hausknecht D., Soutar G. N. (2000) Cognitive Dissonance after Purchase: A Multidimensional Scale. *Psychology & Marketing*. Vol. 17. No. 5. P. 369—385. [https://www.doi.org/10.1002/\(SICI\)1520-6793\(200005\)17:5<369::AID-MAR1>3.0.CO;2-G](https://www.doi.org/10.1002/(SICI)1520-6793(200005)17:5<369::AID-MAR1>3.0.CO;2-G).
60. Swidler A. (1986) Culture in Action: Symbols and Strategies. *American Sociological Review*. Vol. 51. No. 2. P. 273—286. <https://www.doi.org/10.2307/2095521>.
61. Van Dijk T. A. (2018) Discourse and Migration. In Zapata-Barrero R., Yalaz E. (eds.), *Qualitative Research in European Migration Studies, IMISCOE Research Series*. Cham: Springer. P. 227—245. https://www.doi.org/10.1007/978-3-319-76861-8_13.
62. Walster E., Berscheid E., Barclay A. M. (1967) A Determinant of Preference among Modes of Dissonance Reduction. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 7. No. 2. P. 211—216. <https://www.doi.org/10.1037/h0024992>
63. Xue L., Sun H. (2024) The Experience of Migrant Entrepreneurs in Destinations: A Cognitive Dissonance Perspective. *Annals of Tourism Research*. Vol. 109. P. 1—12. <https://www.doi.org/10.1016/j.annals.2024.103849>.
64. Zajacova K. (2021) Cognitive Dissonance? Or a 'Mis'representation of 2015—2016 Migration 'Crisis'. *Collegium Civitas*. <https://projectmad.civitas.edu.pl/results/cognitive-dissonance-or-a-misrepresentation-of-2015-2016-migration-crisis/>.
65. Zanna M. P., Aziza C. (1976) On the Interaction of Repression-Sensitization and Attention in Resolving Cognitive Dissonance. *Journal of Personality*. Vol. 44. No. 4. P. 577—593. <https://www.doi.org/10.1111/j.1467-6494.1976.tb00139.x>.